

1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года

Участие башкир в Отечественной войне 1812 года нашло свое отражение в российской историографии¹. Однако уже с первых исследований (работа М.Л. Юдина) освещение этой проблемы приобрело юбилейный, приуроченный к очередным годовщинам войны с французами, и в какой-то мере заказной характер. Большая часть публикаций по данной теме находится в жестких рамках концепций прошлых лет, авторы старательно обходят трудные вопросы, оперируют одними и теми же фактами. Сложился в некоторой степени замкнутый круг, сформировалась своя мифология². Апофеозом кризиса в сложившейся историографической ситуации стал выход книги С.Г. Асфатуллина, представляющей собой откровенный плагиат монографии А.Н. Усманова³.

На наш взгляд, на сегодняшний день сохраняется немало лакун в освещении фактической стороны дела, отсутствует оценка боевых возможностей башкирской кавалерии, успехов и недостатков тактики ее применения. В предлагаемой работе предпринята попытка изучения боевых действий 1-го Башкирского полка в период Отечественной войны 1812 года.

Как известно, башкирский народ в 1811–1812 гг. сформировал и отправил в армию 20 пятисотенных конных полков. Кроме них, два полка сопровождали подаренных правительству 4039 лошадей. В армию также были направлены два мишарских (мещерякских) и два тептярских полка. Таким образом, после донских казаков башкиры были самым многочисленным этническим соединением в иррегулярной кавалерии русской армии.

Формирование полков началось в 1811 г. в связи с угрозой новой

войны с Францией. 7 апреля было приказано сформировать Ставропольский калмыцкий, 1-й и 2-й Башкирские полки «для усиления армии ... и чтобы приобучить на будущее время к службе калмык и башкир»⁴. Они должны были иметь национальное обмундирование и вооружение, каждому воину полагалось «быть о дву-конь». Вооружение башкир, «употребляемое по их обыкновению», состояло из копья (пики), сабли, лука и колчана со стрелами. Ружья и пистолеты были редкостью, у некоторых имелись кольчуги. Обмундирование состояло из суконного кафтана синего или белого цвета, широких шаровар такого же цвета с красными широкими лампасами, белой остроконечной войлочной шапки (в виде колпака, разрезанного и загнутого с двух сторон), ременного пояса, кожаных портупей и сапог.

Командиром 1-го Башкирского полка был назначен майор Звериноголовского гарнизонного батальона Добровольский. В апреле 1812 г. его сменил майор Нарвского драгунского полка М.М. Лачин.

В начале июня 1811 г. полк находился в месте сбора в Симбирске. В этом же месяце он выступил в Муром, куда прибыл в начале июля. Затем полк перешел в Покров, Владимирской губернии, после 21 июля совместно со Ставропольским калмыцким полком вышел на Серпухов, куда прибыл 26 июля. Башкиры и калмыки провели зиму 1811–1812 гг. в этом городе. Из-за недостатка фуража и провианта между местным населением, с одной стороны, и калмыками и башкирами, с другой, начались недоразумения. Все это привело к отстранению от командования калмыками их командира Барышевского. Поэтому обоими полками временно командовал майор Добровольский. 27 февраля 1812 г. по приказу военного министра оба полка должны были выйти на Вильну под команду генерал-лейтенанта Эссена 1-го. 9 марта башкиры вышли из Серпухова на Вильну и по прибытии были оставлены в окрестностях города⁵.

В это время командование не смогло прийти к общему мнению о тактике использования башкир и калмык. Некоторые считали, что так как «большой пользы от войска сего рода ожидать не можно, то не благоугодно ли будет приказать позволить оные полки остановить, где-либо в другом месте, где их удобно продовольствовать»⁶.

В Вильну полк прибыл в апреле. Эту дату косвенно подтверждает газета «Литовский курьер»: «В этом году мы видели, с какой поспешностью стягивались полки из отдаленной Азии и собирались на границах Варшавского герцогства ... Еще в апреле месяце пришли орды калмыков и башкир вооруженных луками...»⁷. Приказом от 4 июня 1-й Башкирский полк вошел в состав Летучего казачьего корпуса генерала от кавалерии М.И. Платова (14 казачьих полков, 12 орудий) и 9 июня отправлен по распоряжению М.Б. Баркляя де Толли к Гродно⁸.

С началом Отечественной войны 1812 года полк впервые принял участие в боевых действиях в составе корпуса М.И. Платова в сражении при Мире. Утром 27 июня передовой отряд казаков был атакован польскими уланами, которые выбили его из д. Мир и начали преследовать. Платов заманил противника в ловушку, так называемый венгер, у д. Симаково, окружил его и атаковал. Попытка генерала Турно помочь польским уланам была неудачной, его бригада была опрокинута, началось ее преследование. На следующий день Платов атаковал польскую кавалерию, в шестичасовом бою разбил улан и обратил их в бегство. Об участии башкир в сражении при Мире писал в своих «Воспоминаниях польского офицера» К. Турно⁹: «Следуя по дороге на Турце, не видели никого, кроме казаков, башкиров, калмыков, которые обычно двигались галопом, проскальзывая от оврага к оврагу, чтобы стрелять с более близкого расстояния ... В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Я никогда не слышал воя столь ужасного, чем тот, который поднялся в этот момент ... Тогда толпы

башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом. Три раза они повторяли атаку и три раза разбивались напротив линии, которая их отбрасывала. Более проворные казаки сыпали град пуль, и когда они в течение четырех часов исчерпали свой пыл, бой прекратился и была демаскирована легкая кавалерия. Подготовившись, завывающая ватага, сделав поворот к лесу, который отделял нас от Гордеи, устремилась на левый фланг нашей развернутой линии; охватив этот фланг, она посеяла ужас и смерть в рядах 11-го и 2-го уланских. Генерал Турно истощал себя в тщетных усилиях, чтобы удержать регулярную кавалерию и прикрыть отступление; едва мы вышли из деревни, как ужасный беспорядок охватил все войска, эскадроны левого крыла обратились в бегство»¹⁰. В этом деле отличились воины Узбек Акмурзин, Буранбай Чувашбаев, хорунжий Гильман Худайбердин, есаул Ихсан Абубакиров.

2 июля у местечка Романово произошел успешный бой летучего корпуса Платова с кавалерией М.В. Латур-Мобура, в котором участвовал 1-й Башкирский полк. Поставленная задача задержать противника на один день была выполнена.

27 июля в бою под Иньковым (Молево Болото) между казаками М.И. Платова и французской кавалерией О.Ф. Себастиани в составе казачьего корпуса приняли участие две сотни башкир под командой поручика Павлоградского гусарского полка Жилина, адъютанта Платова. Помимо донских казаков, из иррегулярной кавалерии в бою участвовал Симферопольский татарский полк под командованием генерал-майора Кутейникова 2-го. Башкиры успешно атаковали французских конных егерей из 7-й бригады М. Дезира. В наградном документе на Жилина сказано: «командуя 200 отборных башкирцев, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошадыми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к

неприятельскому корпусу сближались, то он вместе с другими казачьими полками сделал на оный сильный удар и поступая с отличною храбростию, поощрял башкирцев к поражению, где и получил в правую ногу пулею тяжелую рану»¹¹. Офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Как видно из приведенного документа, полк во второй половине июля разделился, как минимум, на две части. Двумя сотнями «отборных» башкир командовал поручик Жилин. «Отборность» заключалась, скорее всего, в наличии огнестрельного оружия, поскольку они вели с противником перестрелку. Таким образом, в 1-м Башкирском полку огнестрельное оружие имели менее половины воинов, были проблемы с лошадьми. В этом сражении отличились зауряд-есаулы Муслим Сиксимбаев и Ихсан Абубакиров, получившие чин есаула, зауряд-сотник Иждавлет Мисареев, зауряд-хорунжие Мурат Куруртинов (Хурурдинов), Яруш Азаматов, Ян Мурдашкалдеев, которые «действовали с отличной храбростию и поражали онаго, прогнали до самого подкрепления, подавая тем пример башкирцам», за что были награждены следующим чином¹².

В дальнейшем башкирский полк использовался в самых разных назначениях. Кроме несения дозорной службы в арьергарде русской армии, полк по распоряжению М.И. Платова до Смоленска возил ранцы и «ослабших» егерей 1-го Егерского полка¹³. Вероятно, полк по-прежнему был разделен на две или даже три части. Известно, что башкиры составляли конвой сэра Роберта Томаса Вильсона, английского генерала и представителя при Александре I, прибывшего к армии 14 августа и хорошо знавшего и ценившего башкир по 1807 г.¹⁴

Однако командование весьма невысоко оценивало боевые качества башкир, и промежуток с июня по сентябрь 1812 г. можно назвать периодом поисков оптимального варианта использования башкирской кавалерии. Основной причиной неэффективного использования башкир и

калмыков было их слабое вооружение, незнание русского языка не только рядовыми, но и командирами, иная тактика боевых действий, связанная с характером вооружения.

Где находился 1-й Башкирский полк во время Бородинского сражения? В современной историографии сложилось мнение, опирающееся на работу А.Н. Усманова, что он участвовал в рейде на левый фланг и в тыл французской армии вместе с казаками Платова¹⁵. Однако документы показывают, что в число участников этого маневра 1-й Башкирский полк не входил¹⁶. Его присутствие в русской армии перед Бородино подтверждают русские документы, об этом упоминает противник. В мемуарах Комба имеется запись, датированная 5–6 сентября: «Русская армия... прикрывала свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир. Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков. Шея лошади капитана Депену, из моего полка, была пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших приблизительно четыре фунта в длину. Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видал более безобразной расы людей»¹⁷.

Вероятнее всего, 1-й Башкирский полк в ночь перед сражением был направлен на пикет у Масловских укреплений, находившихся на крайнем правом фланге русской армии. «Влево от Уварова Платов с 9 казачьими ... Остальные 5 полков казаков стояли при соединении рек Колочи и Москвы, наблюдая по их течению»¹⁸. О том, что башкиры не участвовали непосредственно в боевых действиях в день Бородинской битвы, говорит и отсутствие наградных документов, связанных с этим сражением.

Высокие качества башкир как иррегулярной кавалерии обнаружили в ходе «малой войны» осенью 1812 г. В августе партия от полка под командою майора Лачина в окрестностях Жохова захватила 22 неприятельских фуражира¹⁹. В сентябре полк содержал пост на

Серпуховской дороге. С его сотней встретился ночью прапорщик Владимирского ополчения И.М. Благовещенский: «...видим – башкирская рота, и их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы. Подъехав к дремлющим, сказал: “Саям маликом”, то башкирец взглянул и в ответ мне: “Маликом саям”. Расспрашивал его, сколько их и куда идут, то отвечал: сотня идет тихим образом, и что слуха не было, и указал мне есаула их, где его квартира, к которой пришел я. Едва мог достучаться в дверь: она была заперта, но есаул с свечою встретил меня; заметно, что вскочил с лавки, где спал; и ему говорил, как он чрез цепь ополченную прошел, не дав о себе знать, то он оправдывался секретным предписанием и идет к корпусу Лобанова и показал мне маршрут»²⁰. В составе отряда донского полковника И.Е. Ефремова на Серпуховской дороге с донским полком Андреянова 2-го, Симферопольским конно-татарским 14 сентября при с. Вышневском башкиры, встретив неприятеля, нанесли ему поражение, взяв в плен 500 человек²¹. 13 октября полк вошел в отряд генерал-майора князя Н.Д. Кудашева вместе с донским Сучилина полком. В отряде были также донские казаки Жирова, Харитонова 7-го. Затем башкирский полк и полк Сучилина были оставлены для прикрытия обозов Главной армии²². Возможно, это была часть полка, разделенного на сотни. Известно также, что башкиры 1-го полка были в отряде А.Н. Сеславина, действовавшем на Серпуховском направлении²³. Вслед за отступающими французами 7 октября в Москву вступили воинские части и казаки, среди которых было несколько сотен воинов 1-го Башкирского и 1-го Мещеряжского полков. Последний был оставлен в Москве и нес гарнизонную службу с 1812 по 1814 г.

1-й Башкирский полк принял участие в преследовании отступающего противника. Он участвовал в сражениях при Красном (3–6 ноября) и на Березине (14–17 ноября). Присутствие башкир в авангарде русской армии было столь обыденным явлением для современников, что на переднем

плане огромного полотна, находящегося в Зимнем дворце в галерее 1812 года «Переход французской армии через Березину в 1812 г.», написанного П. Хессом, изображен конный башкир, протыкающий своей пикой карту наполеоновских завоеваний.

В марте 1813 г. 1-й Башкирский полк был в корпусе генерал-лейтенанта Л.Г.Т. Вальмодена у генерал-майора В.К.Ф. Дернаберга²⁴.

Во время Отечественной войны 1812 года полк понес большие потери. При переходе границы в начале 1813 г. в нем насчитывалось 250 казаков²⁵. Необходимо учитывать, что эта цифра не окончательная. Команды от полка находились в разного рода конвоях, посылках и т.д. К концу похода, на 28 марта 1814 г., в полку оставалось по 7 штаб- и обер-офицеров, 115 рядовых²⁶.

Основным побудительным мотивом, способствовавшим участию башкир в военных походах российской армии, был, несомненно, патриотизм. Но кроме него, имели место и другие представления о войне. С одной стороны, башкирам было ясно, что чем лучше они будут исполнять воинскую службу, тем дольше государство будет сохранять у них вотчинное право на земли, защищать их интересы, давать всевозможные льготы, как это было видно на примере казаков²⁷. Поэтому башкиры были заинтересованы в военной службе в составе российской армии. С другой стороны, одним из побудительных мотивов была возможность получения сэкономленных фуражных и иных денег либо добыча трофеев в бою²⁸. После наполеоновских войн 1812–1814 гг. многие башкиры вернулись на родину с привезенными с собой в качестве трофеев мундирами французской армии. Н. Казанцев приводил пример, как «один чиновник, проезжая Башкирией, видит, что на козлы его экипажа забрался в шитом золотом французском мундире, узких панталонах, больших турсучьих сапогах и в остроконечной шапке

башкирец», а в другом случае команду башкир возглавлял чиновник, на котором «была гусарская куртка, наследие французского офицера в память 1812 года, казачьи шаровары, а на бритой голове башкирского покроя шапка»²⁹.

Мотивация к службе иррегулярного войска была истолкована несколько превратно некоторыми современными исследователями наполеоновских войн. Так, Чарльз Исдейл считает: «Что же касается татар и им подобных, то они в действительности были племенными наемниками, не имевшими никакого чувства солидарности с Россией»³⁰.

На самом деле основной причиной участия башкир в войне был, разумеется, патриотизм. О том, что Отечественная война 1812 года башкирами воспринималась в целом как патриотическая, а не как поход с целью получения трофеев, говорят следующие факты (которые, кстати, характеризуют и религиозные представления башкир). По свидетельству генерала Н.М. Бороздина, в 1812 г. он часто видел в походе башкира, который приносил ему отбитое у французов церковное серебро, хотя по обычаю оно уже являлось его собственностью. Далее происходил следующий диалог:

- Вот батька, серебра, прикажи взять.
- Как взять? Да оно твое, ты его отбил.
- Да, батька, отбил, но он твой мечеть.
- Что же ты его и возьми, оно тебе теперь принадлежит.
- Нет батька, Магомет убьет. Вот, видишь, собака француз умирает (показывает тут же на дороге лежащего и умирающего француза), видишь, батька, он умирает за то, что мечеть ваш ограбил!³¹

Сам автор заключает этот диалог следующим высказыванием: «Какая противоположность просвещенного и невежественного народа!». Другой пример – много раз цитируемый «Перевод письма с башкирского языка к графу Матвею Ивановичу Платову, от 1 Башкирского полка старшины

Кутлугельдея Темировича», датируемый 8 сентября 1813 г.³² В нем башкиры просят принять 1 000 руб. ассигнациями на восстановление Донского монастыря в Москве. «При всем нашем рвении не могли унять их святотатцев; допустили до Москвы, где ограблены древние чудотворные храмы божии, в чем считаем себя не менее виноватыми, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить святыню – само провидение наказало извергов за их безчестный и безбожный поступок против святой церкви...»³³

Таким образом, сформированный в 1811 г. 1-й Башкирский полк принял активное участие в Отечественной войне 1812 года. Он был непосредственным участником сражений при Мире, Романове, Инькове, Бородине, Красном, Березине. С сентября 1812 г. командование активно использовало полк в партизанской войне, где башкирская кавалерия показала свое преимущество. Тактика действий в партизанской войне имела много сходного с тактикой несения службы на границе для борьбы со степными кочевниками: нападения из засад, длительное преследование, сторожевая и аванпостная служба, конвоирование, содержание летучей почты. Башкиры и их кони были привычны к суровой осени и зиме: лошади породы тебеневка, добывающие на Урале корм из-под снега, легко переносили тяготы похода. Холодное оружие – лук и стрелы – позволяло использовать его в дождливую и сырую погоду, в отличие от огнестрельного. Солдатам французской армии было очень тяжело вести стрельбу против башкир, скакавших на низкорослых лошадях, так как трудно было определить линию прицела. Гибель большей части конского состава французской армии после Бородина также уравнила боевые возможности противников. Башкиры имели холодное оружие, но были на лошадях. Французы, имевшие огнестрельное оружие, страдали из-за отсутствия своей кавалерии. Опыт использования башкирского воинства в Отечественной войне 1812 года в

отношении башкир русское командование активно использовало и во время заграничных походов 1813–1814 гг.

В память о войнах с французами сохранилась и дошла до нашего времени песня «Любизар»³⁴, сложенная, судя по тексту, в 1-м Башкирском полку и исполнявшаяся на мотив военного марша:

И в Москве бывали мы,

И Париж видали мы,

И захватчика-француза

Хорошо бивали мы.

Любезники, любизар,

Маладис, маладис.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Юдин М.Л.* Оренбуржцы в войнах 1812–1814 гг. Ташкент, 1912; *Рахимов Р.М.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1943; *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962; *Матвиевский П.Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962; *Усманов А.Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964; *Асфандияров А.З.* Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления (1798–1865 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии, Уфа, 1971; «Любезные вы мои...» / Сост. А.З. Асфандияров. Уфа, 1992; *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005; *Шведов С.В., Турусов В.П.* Башкиро-мещеряжское войско // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.

² *Рахимов Р.Н.* Отечественная война 1812 г. в современном сознании // Ватандаш. 2000. № 3. С. 150–155.

³ *Асфатуллин С.Г.* Северные амуры в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000.

⁴ ПСЗ. Т. 31. № 24583.

⁵ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1908. Т. X. С. 220.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1. // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 257.

⁸ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. XIII. С. 89.

⁹ *Турно К.* Воспоминания польского офицера // Воин. 2002. № 10. С. 47 (Пер. А.И. Попова из: *Szymanowski J., Turno Ch.* Souvenirs de deux generaux polonais au service de la France. P. 2001. P. 97–99).

¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153. Св. 5. Д. 8. Л. 137 об.

¹² Там же. Л. 137.; Ф. 103. Оп. 1/208А. Св. 0. Д. 1. Л. 37–40.

¹³ *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдела письмен. источников Гос. Ист. музея. М., 1991. С. 177.

- ¹⁴ *Вильсон Роберт Томас*. Дневник и письма, 1812–1813. СПб., 1995. С. 207.
- ¹⁵ *Усманов А.Н.* Указ. соч.; *Асфандияров А.З.* Указ соч. С. 78; *Шведов С.В., Турусов В.П.* Указ соч. С.53.
- ¹⁶ *Попов А.И.* Бородинское сражение: Боевые действия на север. фланге. Самара, 1995. С. 100–101.
- ¹⁷ Французы в России, 1812 г.: По воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А.М. Васютинским и др. М., 1912. Ч. 1. С. 144.
- ¹⁸ *Паскевич И.Ф.* Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 101.
- ¹⁹ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XV. СПб., 1911. С. 55.
- ²⁰ *Благовещенский И.М.* Из воспоминаний. 1859 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991 С. 419.
- ²¹ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 95.
- ²² Там же. Т. XIX. СПб., 1912. С. 40.
- ²³ Там же. Т. XXI. СПб., 1914. С. 261.
- ²⁴ Там же. С. 317.
- ²⁵ Там же. С. 437.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4137. Л. 456.
- ²⁷ Условиями добровольного вхождения Башкирии в состав Российской империи было сохранение вотчинного права башкир на землю, ислама, собственного самоуправления. За это башкиры должны были платить ясак, впоследствии замененный пограничной службой на Оренбургской линии, и участвовать в походах русской армии.
- ²⁸ Об этом одним из первых достаточно подробно написал В.М. Безотосный. См.: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвест. и неизвест. факты на фоне знаменитых событий. М., 1999. С. 110.
- ²⁹ *Казанцев Н.* Описание башкирцев. М., 1866. С. 58.
- ³⁰ *Исдейл Ч.Д.* Наполеоновские войны. Ростов н/Д, 1997. С. 382.
- ³¹ *Оленин А.Н.* Рассказы из истории 1812 года // Рус. архив. 1869. С. 1995.
- ³² Рус. вестн. на 1814 г. Кн. 9. С. 64–66. Опубликовано в качестве приложения А.Н. Усмановым в его книге и А.З. Асфандияровым в сборнике «Любезные вы мои...».

³³ Там же. С. 65–66.

³⁴ Песня сочинялась во время походов 1812–1814 гг. В качестве припева использованы подлинные слова М.И. Кутузова, сказанные им осенью 1812 г. одному из башкир, прибывшему с донесением от Н.Д. Кудашева о партизанских действиях. Прочитав донесение, М.И. Кутузов сказал посыльному: «Любезные вы мои башкирцы! Хорошо деретесь, молодцы!». Вернувшись в полк, последний рассказал, что видел самого Кутдуса (так башкиры произносили фамилию главнокомандующего). Все стали спрашивать его, что он сказал о башкирах. Башкирский чиновник дословно передал его слова, и довольные башкиры решили их запомнить. Изменив неприемлемое для башкир слово «любезные» на свой лад, они стали петь эту фразу в качестве припева – «Любезники, любизар, / Маладис, маладис», сохранив таким образом мнение Кутузова о башкирах в песне навечно.